

Оптимизм И Проблема Времени.

Абилов Урал Мурадович

Профессор кафедры общественных наук Ташкентской медицинской академии

Жизнь человека непрерывно развивается из прошлого — через настоящее — в будущее. Поэтому изучение жизненного пути личности неразрывно связано с исследованием времени в личностно-психологическом контексте. Особенности отражения человеком времени, утверждают Г. И. Головаха и А. А. Кропак¹, определяются характером детерминации одних жизненных событий другими. На основе осознания личностью детерминационных связей между событиями жизни формируется особая форма субъективного времени, которая может быть обозначена как психологическое время личности. Специфика же детерминации человеческой жизни заключается в том, что, наряду с причиной обусловленностью последующих событий предшествующими (детерминация прошлым), имеет место и детерминация будущим, то есть целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности. Типичными примерами здесь, к примеру, являются процессы и их следствия, связанные с социально-экономическими реформами в различных странах в конкретно-исторические отрезки времени. В условиях социально-экономических изменений в ныне независимых республиках бывшего Союза детерминация будущим означает определенные надежды, связанные с предполагаемыми результатами и целями жизнедеятельности народов, в том числе суверенного Узбекистана, в аспекте перспектив демократически-правового развития.

И этот тезис был бы вполне точен, если бы в нем прослеживалась доминирующая роль в «детерминации будущего» мотивационно-целевой сферой личности, выполняющей регулятивную функцию в программировании жизнедеятельности, оптимистических (пессимистических) установок, была бы указана онтологическая и гносеологическая связь последних с категорией «время», ее значимость и в становлении структуры и в динамике жизненных целей и идеалов. Эта тематика кажется нам настолько существенной не только в теоретическом, но и в практическом отношении, что представляется необходимым продолжить ее анализ.

Категория времени тесно связана с понятием «изменение». Пребывание отождествляется с настоящим, которое есть диалектическое единство моментов длительности и изменений, динамический центр исторического времени, ее движущее начало. С одной стороны, настоящее разъединяет полярные модусы времени — будущее и прошедшее, с другой — «примиряет» их и соединяет, это — мост между ними. Прошедшее и будущее «встречаются» в настоящем, выступают его «составляющими». Что же остается на долю настоящего? «Пере-

---

¹ Головаха Е. И., Кропак А. А. Психологическое время личности. — Киев: Наукова думка, 1984. — С. 150.

работка», отбор и систематизация опыта прошлого с точки зрения изменившихся условий и предстоящих задач, т. е. процесс для каждого «настоящего» сугубо творческий, поскольку ориентиром для него служит именно его «будущее». Различие дистанций, которые отделяют каждый из полярных модусов от настоящего, объективно определяет, какой из них будет функционировать в качестве ориентира «настоящего». Так, например, в средние века, в силу замедленного процесса развития материального производства, «прошлое» к «настоящему» (и наоборот) было очень близко, «будущее» же отстояло от настоящего очень далеко. В наши дни, наоборот, течение исторического времени ускорилось настолько, что «будущее» представляется более близким, нежели «прошлое». В средние века исторически значимыми были лишь моменты, восходившие к традиции, коренившиеся в ней, черпавшие в ней свой смысл и свою жизненную силу. В наши дни исторически значимым являются моменты революционных перемен во имя будущего, «пришедшие» из грядущего и ориентированные на него. В средние века единственной реальностью было настоящее, протекавшее под знаком прошедшего; в наши дни такой же реальностью является настоящее, протекающее под знаком будущего.

Своеобразным и эффективным ускорителем («замедлителем») «рывка в будущее» служит оптимистический (пессимистический) настрой. Между тем, проблема универсализации и стимулирования в процессе социокультурной динамики оптимистического начала, — в своем наиболее действенном виде являющемся, как мы только что подчеркнули, плодом подлинно-интернационалистического духа, — становится и, так сказать, эмпирически исключительно важной.

Дело, в частности, в следующем.

«Расхождение времен» исторических между различными этнополитическими общностями и внутри них, наблюдающееся на протяжении всей истории цивилизации, есть результат различий в ритме исторической эволюции различных регионов.

Повсюду всемирно-историческое время, «задается» формацией, на каждом временном срезе олицетворяющей высшую ступень в социальной эволюции человечества, постольку очевидно, что значительная часть из сосуществующих общностей должна была с этой точки зрения располагаться в различные исторические времена. Иначе говоря, локально-историческое время (или региональное время) в таких общностях должно было отставать от всемирно-исторического времени. Это явилось следствием не только того неоспоримого факта, что с момента возникновения классового общества в мире всегда сосуществовали две или более общественные формации, но и неравномерности развития регионов внутри одной и той же формации (один из примеров тому — царская Россия, Средняя Азия).

Что же касается проблемы соотношения категорий «время» и «оптимизм», то подчеркнем, что происходящий процесс радикального реформирования политических, экономических и культурно-идеологических структур означает и

некоторое ограничение эпохи полихронного развития наций и народов суверенных республик. Причем это вовсе не означает тотальной унификации, что в современных условиях практически невозможно, а наоборот, должно способствовать более яркому выражению самобытности и своеобразия регионов и населяющих их этнических групп.

В условиях демократического развития научно-технический прогресс расширяет творческие возможности и каждого человека и каждого народа. Социальное развитие и наука не должны разрушать ни исторических традиций Запада и Востока, ни общечеловеческих ценностей культуры. Социальный прогресс, наука, культура образуют социально-историческую основу для нового духовного потенциала и новой цивилизации, стирающей грани взаимного непонимания между народами и людьми и новой жизненной позиции личности.

В наиболее общем плане она выражает самосознание, т. е. осознание как собственного места и роли, так и места и роли социоприродной действительности и отношения человека к ней. Основными факторами формирования жизненной позиции являются не только изменение образа жизнедеятельности, организации труда, но и усвоение теоретико-мировоззренческого идеала, который, — а об этом нередко забывают упомянуть в нашей литературе, — должен иметь как доминанту оптимистическую ориентацию. Лишь при этом условии будет налажено — и станет преобладающим в развивающиеся формации — такое отношение между человеком и социоприродной действительностью, в котором они проявлялись бы как две равноправные, взаимодействующие стороны одного нераздельного целого.

На современном этапе развития мировой системы общечеловеческого развития создаются необходимые предпосылки для дальнейшего, все более плодотворного развития общечеловеческой и национальной культур, углубление их социальных функций в процессе формирования индивида. Главным содержанием этого процесса является превращение потенциальных духовно-культурных ценностей в действенные, активно входящие в повседневную жизнь человека труда, становящиеся ее неотъемлемой частью, важнейшим компонентом.

Современному обществознанию принципиально чужд подход, недооценивающий взаимосвязь процесса воспитания индивида с объективными условиями, в отрыве от динамики материально-технической базы и характера данных общественных отношений. Необходимо комплексное политическое, трудовое и моральное воспитание по регулированию последовательно-оптимистическим мировоззрением трудящихся.

И здесь очень важное значение обретает искусство.

Дело в том, что эстетическое переживание оказывается наиболее благодатным механизмом для непосредственного воздействия на мировоззрение, нравственные и политические принципы и убеждения личности, на ее жизненные позиции, на их формирование, преобразование и укрепление. Известно, что в произведениях искусства индивидуализация не противостоит обществу, а, напротив, ведет к интеграции, солидаризации социальных общностей и является

источником их прогресса. По своей природе искусство полифункционально, удовлетворяет общественные и личные потребности. Некоторые функции имеют преобладающее значение, причем устанавливается определенная гармония между основными функциями — просветительской, организационной, развлекательной и др. Вне этой гармонии ни одна из потребностей личности не получает удовлетворения, и общество не в состоянии осуществлять свою воспитательную программу. Гедонистическую функцию нельзя расценивать как низшую или сопутствующую, дополнительную по отношению к идейно-воспитательной, так как недооценка этой функции препятствует идеологическому воздействию искусства.

Именно она в первую очередь несет оптимистическое начало, снимающее ощущение одиночества и депрессию, эти неизменные и мощные генераторы пессимистических настроений, и одновременно — лимитаторы столь необходимой в наши дни гармонии в сфере межличностных контактов.

Анализируемая проблема имеет существенное значение и для верного решения целого ряда аспектов непрерывно идущего в суверенных республиках Содружества, в том числе Узбекистане, процесса достижения фактической эмансипации женщин. Надо подчеркнуть, что все еще сохраняющее большую силу на массовом уровне традиционное понятие «женственность» включает идею зависимости от окружающих, отсутствия достижительных ориентаций, низкая самооценка. Ясно, что такого рода установки могут способствовать развитию депрессивных проявлений. И, напротив, психическое здоровье, — и, значит, последовательно-оптимистические мироощущение и мировосприятие, — связаны с возможностью выбирать линию поведения, независимо от пола. И, конечно, в том же — мы бы сказали, «оптимизмо-укрепляющем» — направлении должен действовать процесс перераспределения, переосмысления семейных ролей в сторону «эгалитарности», процесс, благотворный еще и потому, что он дает не только женщине, но и детям возможность легче развиваться не по жестким традиционным шаблонам, а ориентируясь на собственные способности и наклонности.

Это тем более показано, если вспомнить, что историкогносеологическая основа веры, — выражающей потребность социальной предметно-преобразующей деятельности человека, его свободный выбор, автономию его ценностной ориентации, — заложена в присущей человеку способности раздваивать мир на такой, какой он есть, и такой, какой он возможен, желателен и необходим с точки зрения потребностей человека и его интересов. Мировоззрение же включает в себя не только знание, ценности и оценочные критерии универсума, но и верование (вновь напомним о необходимости не ставить знак равенства между ними и религиозной верой человека).

Как показывает анализ, необходимо делать более основательный упор на доказательствах иллюзорности того еще бытующего в массовом сознании представления, будто комплекс «традиционных добродетелей и ценностей» тесно связан с религиозностью, — представления, в частности, в определенной

мере осложняющему стабилизацию социально-политических и нравственно-психологических процессов в обществе.

К примеру, в Узбекистане, на наш взгляд, на выбор брачного партнера, на будущий облик семьи влияют уже три основных типа ценностных ориентаций — на урбанистический тип семьи, традиционный и смешанный. Урбанистический тип семьи в большей степени, чем традиционный, воплощает мобильность и динамические характеристики современной жизни и придает особую роль внутреннему миру личности, ее свободному выбору, отстает от ставших дисфункциональными стандартов. Теперь все большую, — если даже не доминирующую, во всяком случае, в городской среде, — роль играет смешанный тип семьи, который обогащает личностные элементы урбанистической ценностной ориентации традиционными добродетелями и ценностями. Но, — и это, повторяем, следует широко популяризировать, — они не только не порождены религией, но и резко ей противоречат по своим интеллектуально-эмоциональным и психологическим параметрам. Религия, напротив, нередко предстает ценностным детерминатором отклоняющегося поведения, — в том числе и в семейно-брачной сфере, — тормозит воспитание нравственно-зрелой личности, способной прогнозировать общественные оценки своего поведения и модифицировать его в творческо-оптимистическом ключе.

Ведь, свобода — понятие, характеризующее содержание, имманентную направленность и критерии прогресса всемирной истории, предпосылка и условие постоянного воспроизводства социальных форм организации общественной жизни, цель и самоцель всего общества и каждой личности, главный из детерминаторов такого развития, которое адекватно истинной сущности человеческого рода.

Новый этап НТР более всего определяется возрастанием свободы человека и общества по отношению к природе, а отсюда — гуманизацией всех сфер общественной и индивидуальной жизни людей, их материальной и духовной культуры. Новый этап научно-технического развития выступает по отношению к предыдущему не только как его продолжение, но и отрицание с удержанием положительного момента. Этим моментом является обеспечение возрастания степеней свободы субъекта в его взаимодействии с материальной действительностью.

Было бы не верным игнорировать принципиальную специфику конкретных социальных систем. Во все времена исследователей и мыслителей занимал вопрос о принципиальном совпадении потребностей личности и общества. Ошибкой было бы противопоставление — пусть и невольное — духовных потребностей материальным и другим человеческим запросам, ибо удовлетворение материальных потребностей тоже служит развитию способностей человека, и потому нельзя лишать их атрибута разумности, как и, разумеется, индивидуальные потребности человека.

Ликвидация частной собственности на средства производства, как можно было убедиться на известных практических примерах, вовсе не вело к

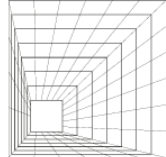

автоматическому совпадению потребностей личности и общества. Понятно, что при этом речь идет о возможности совпадения коренных потребностей и интересов — общих и единичных, социальных групп и личностей, достижение совпадения которых чрезвычайно проблематично. Лишь в самой грубой казарменной утопии можно «подогнать» все богатство и уникальность личных запросов к требованиям общества. Говоря о формировании разумных потребностей личности, следует иметь в виду не унификацию индивидуально-неповторимых стремлений и запросов человека, а их согласование с общественными потребностями. В любом случае, заботясь о личном благосостоянии, личность способствует — причем не всегда осознанно — повышению социального уровня развития общества в целом.

Всемерное стимулирование политической активности личности, стремление добиться ее полноценного включения в функционирующую структуру ценностных взаимодействий, общих социальных обязанностей и нормативов, означает в первую очередь укоренение индивида в настоящем, формирование такого спектра целевой направленности его деятельности, который бы не позволил возникнуть пропасти между социальным и конкретно-индивидуальным образом будущего. Следует отметить, что данный тезис имеет серьезные онтологические и гносеологические аргументы.

Влияние будущего на прошлое немислимо не только в физическом, но и в логическом плане (в чем, кстати, говоря, заключается одно из коренных отличий временных отношений от пространственных). Различие между прошлым и будущим состоит прежде всего в том, что прошлые события могут оказывать влияние на настоящее, а будущие — нет (или, во всяком случае, влияние не решающее), а также в том, что хотя события прошлого не существует, все же суждения о них столь же истинны, как и суждения о событиях настоящего. Относительно будущих событий (во всяком случае касательно множества из них) этого сказать не всегда представляется возможным. В противном случае восторгается пассивно-созерцательный фатализм, — в корне чуждый субстанциональному ядру некоторых социально-политических теорий, адекватной логике объективного мира, пронизанной сознательным началом, ориентированной на гуманистические цели и потому отвергающей казарменную трактовку будущего как единственной абсолютной ценности, какого-то предзаданного исхода истории, изначально, проформистски содержащейся в ткани самой истории.

Как бы то ни было, современный период социально-политического развития независимых республик подтверждает то, что на факторах и механизмах, стимулирующих процессы универсализации оптимизма и пессимизма сказываются как объективные, так и субъективные причины, в зависимости от которых формируются и соответствующие тенденции. И здесь важное место занимает анализ взаимосвязи закономерностей, существующих во взаимоотношениях оптимизма и временных измерений, от чего зависит будущее

как индивидов, так и целых народов, переживающих сегодня один из самых противоречивых этапов своего социального развития.